

браво, Гвоздицкий, браво!

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА

Сегодня, 30 сентября 2002 года, изумительному человеку и фантастическому актеру, народному артисту России Виктору Васильевичу Гвоздицкому, моему бесценному другу Витеньке Гвоздицкому, исполняется пятьдесят лет. Как-то неожиданно накатило. Я, честно говоря, думала, что еще только сорок девять. А тут звонок: «Ты хоть помнишь, что мне пятьдесят будет тридцатого?» Я без запинки быстро соврала: «Еще бы!» А сама думаю: мама родная, а дарить-то что? У нас ведь с этим строго. Тут так просто не отделаешься. Витя и сам подарки друзьям серьезно подбирает, да и даренному коню все зубки-то пересчитает. Правда, Витюш? Помню, всегда, когда из-за какой-нибудь границы раньше приезжала, звонила:

— Витя, я тебе такое привезла — ахнешь!
— Не ахну. Говори только — материальное или духовное?
И вот видишь, Витенька, какое чудо Господь нам обоим послал — благодаря этой заметке, статье, письму, не важно, как назвать, я могу тебе громогласно, на всю страну, во всеуслышание подарить признание в своей бесконечной, ничем никогда не омраченной Любви, абсолютной Вере в твоё преданное, такое нежное и одновременно рыцарски мужественное сердце, преклонение перед твоей человеческой и житейской Мудростью и несгибаемую Надежду на то, что в этой кровавой схватке с жизнью, которую все мы, грешные, ведем всю свою такую длинную и такую короткую жизнь, ты одержишь победу. Ведь сегодня — праздник святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. А ничего на свете, и мы много раз говорили об этом, абсолютно *ничего* не бывает случайно, и то, что твоя мамочка, дорогая и всеми, кто ее знал и помнит, нежно любимая Валентина Константиновна, родила тебя

именно в этот день — конечно, это знак Божий, которого ты должен быть достоин. Многая, многая, многая тебе лета! И еще — с Днем Ангела, родной мой Виктор Васильевич! Немногие ведь знают, что накануне, 29 сентября, празднуется память Святого Виктора, и мудрая твоя бабушка Ксения Леонтьевна назвала тебя по святцам, как и полагается православным, день в день. Светлая им память, твоим дорогим — бабушке, папе Василию Никифоровичу, Валентине Константиновне, сестре Верочке. Все они сегодня вместе с нами радуются твоему празднику, потому что Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых, и все мы — вместе. Что же мне пожелать тебе в этот день, дорогой мой человек, или, как удивительно говорили в старину, душа моя, ангел мой?! Вот ты часто вспоминаешь, как мама твоя говорила: «Надо жить по правилам». Или просто: «Это — не по правилам». Ведь несчастье многих людей состоит в том, что они не знают, зачем живут, конечная цель им не ясна, они не тверды в правилах, или

вовсе неправильно определены ориентиры. И без этого жизнь человека, конечно, — мучение. А ведь надо все додумывать до конца. Так вот, я желаю тебе, как бы это ни было трудно, жить только «по правилам», их ведь десять, не сбиваться с точных ориентиров, которые тебе открыты и известны, и победить этот страшный мир, в котором живет все человечество, вообще и этот, еще более коварный, «мир в мире» — мир искусства, в котором ты так честно, преданно, кровью и потом истово трудишься. Найди ту самую мучительно искомую золотую середину, чтобы суметь прожить жизнь не в свою славу, а во славу Божию. Чтобы преумножить свои таланты по евангельской притче, а ведь здесь талант актерский не главное, я думаю, а главное — россыпи талантов твоей богатейшей души, которые нужно употребить на благо себе и всем людям. Как говорил преподобный Серафим Саровский, «стяжи мир в своей душе, и вокруг тебя спасутся тысячи». И еще я хочу поздравить всех читателей **Газеты**, всех зрителей, актеров, режиссе-

ров, критиков и продюсеров с тем, что именно в нашей стране, а не в какой-то там далекой Америке (правда, получал бы ты там, как Дастин Хоффман, но это уже на их совести, и это, в конце концов, его проблемы) пятьдесят лет назад родился актер, блеск мастерства которого на сегодняшний день я могу выразить словами, пожалуй, лишь цирковой терминологии. Жонглер и иллюзионист (как он это делает?!), клоун и музыкальный эксцентрик (я сейчас помру со смеху! Не могу больше!), а вот уже скользит по канату — без шеста, — каждое движение выверено миллиметрами (все затаили дыхание), а вот «смертельное сальто под самым куполом» (смотрите, без страховки! Смотришь — и зажмуриваешь глаза от страха), и барабанная дробь, и звенящая тишина, и — как вспышка — блистательное «Ах!», и бравурный марш, и аплодисменты, и цветы, и — «Браво, Гвоздицкий, браво!» А потом ты бредешь домой («иду, Катя, снег ногами загребаю, а они заплетаются»),

готовишь себе ужин, принимаешь благодарные слова по телефону, ложишься спать, все болит, сон не идет, можно позвонить Кате Васильевой: «Ой, Катя, устал, не могу — колочусь, бьюсь, всю-то жизнь бьюсь-колочусь, хоть бы ты пожалела». Не бейся, Витя, не бейся и не колотись. Я тебе точно говорю! Будь спокоен и уверен. Ты уже давно заслужил и уверенность, и спокойствие. И не более! Пожалуйста, не более! Это я очень серьезно тебя прошу. А моя частная просьба — пожелание, мечта — сделай какую-нибудь обалденную чтецкую программу — чтобы ты один, в Зале Чайковского, у рояля, в белом смокинге. Желаю. Еще могу, если хочешь, пожелать купить машину, но уж я столько лет тебе это твержу — может, уже и не надо. На сем заканчиваю. Вся моя многочисленная семья, все дети и внуки, ликуя, поздравляют, целуют и любят — ты знаешь, что мы просто не можем жить без тебя. Да, а вот что же мы будем делать с материальным-то подарком? Витя, пощади!